

Федор Корандей

Поэтический каркас освоения:

«ДАЛЬНЕЕ ЧТЕНИЕ» СЕВЕРНОЙ ЭКСПАНСИИ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, 1957—1991¹

Fedor Korandei

The Poetic Infrastructure of Development: “Distant Reading”
of the Northern Expansion of Soviet Literature, 1957—1991

Федор Корандей (Лаборатория исторической географии и регионалистики, ТюмГУ, доцент, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук) f.s.korandej@utmn.ru.

Fedor Korandei (PhD; Senior Researcher, Assistant Professor, Laboratory of Historical Geography and Regional Studies, Tyumen State University) f.s.korandej@utmn.ru.

Ключевые слова: освоение Севера, географические репрезентации, советская поэзия, советские литературные праздники, дальнейшее чтение

Key words: development of the North, geographical representation, Soviet poetry, Soviet literary celebrations, distant reading

УДК: 913.1/913.8 + 94(47).084.9

UDC: 913.1/913.8 + 94(47).084.9

В статье на материале корпуса поэтических репрезентаций советских городов описаны практики литературного освоения Севера в период, последовавший за реформой 1957 года, в результате которой был создан Союз писателей РСФСР. В позднесоветский период, будучи орудием пропаганды, направленной на привлечение кадров на социалистические стройки, и определяя процесс творчества в промышленных терминах, советская официальная литература осуществляла масштабный репрезентационный проект, индикатором которого являются многочисленные стихи, посвященные городам Севера. Особый интерес с этой точки зрения представляют литературные праздники — форма культурной работы, возникшая при наложении практики писательских бригад на новую литературно-производственную инфраструктуру. На основе метаданных корпуса советских северных стихотворений делаются выводы о типичных практиках, риторике, продуктивности, элементарной социологии этого репрезентационного проекта.

This article, based on the corpus of poetic representations of the Soviet cities, describes the practices of literary development of the North in the period that followed the 1957 reform, as a result of which the Union of Writers of the Russian Soviet Federative Socialist Republic was established. In the late Soviet period, as a propaganda tool aimed at attracting workers to socialist projects and defining the work of writing in industrial terms, Soviet official literature carried out a large-scale representational project, resulting in numerous poems that describe the cities of the North. Of particular interest from this point of view are literary festival — a form of cultural work that resulted from the application of the practice of writers' brigades to the new literary industrial infrastructure. Based on the metadata of the corpus, the common practices, rhetoric, productivity, and elementary sociology of this representational project are analyzed.

Дискуссия, порожденная подходом Ф. Моретти [Reading “GMT” 2011; НЛО 2018], поднимает вопросы, выходящие за пределы поля «настоящих» Digital Humanities. Парадигма «дальнего чтения» стала популярной, когда компьютер стал частью работы любого гуманитария, насытив ее метафорами, восходящими

1 Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ № 33.2257.2017/ПЧ на тему «Российские гавани Трансарктической магистрали: пространства и общества арктического побережья России накануне новой эпохи развития Северного морского пути».

к практике computer-based studies. Если верить Д. Лакоффу и М. Джонсону, жизнь структурируется рамками метафор [Лакофф, Джонсон 2004: 25–34]. «Графики, карты и деревья» Моретти [Moretti 2005], как и «Макроанализ» Джокерса [Jockers 2013], были не столько манифестами методологий, связанных с развитием программного обеспечения, сколько манифестациями метафор, определяющих повседневность исследователя, пользующегося оцифрованными текстами, внутритекстовым поиском и электронными каталогами.

Упомянутые подходы выросли из попыток решить традиционные литературоведческие задачи на объемах текстов, вполне подвластных если не «пристальному чтению», то хотя бы аналитическому библиографированию². Их дальнейшая эволюция шла рука об руку с цифровизацией исследовательской повседневности³. Работа в этом меняющемся интеллектуальном ландшафте — тема для антропологии в стиле Т. Ингольда, писавшего о сонстройке элементов среды через практики действия и восприятия [Ingold 2000; 2018]. Автор этих строк, узнав о работах Стэнфордской лаборатории, смог оценить их потому, что уже давно занимался похожими вещами — цифровая среда генерирует общие «предрасположенности» (affordances) для тех, кто исследует коллекции текстов, стараясь увидеть скрытые закономерности.

Эта статья посвящена «географическим» (то есть содержащим упоминания топонимов) стихам позднесоветской эпохи, которые рассматриваются одновременно и как инструмент, и как индикатор процессов освоения Севера СССР. Такие тексты, создававшиеся профессиональными поэтами в целях пропаганды, редко распространялись далее места первой публикации, и, подобно романам, с перечисления которых начинается «Литературная бойня», сейчас находятся за пределами канона. Стихи, как известно, не стали предпочтительным направлением Стэнфордской лаборатории, в том числе и потому, что «лирическая поэзия уже практически потеряла свою социальную функцию» [Моретти 2016: 109]. В случае с советским материалом этот тезис кажется спорным, к тому же, в отличие от романа, исследование стихов позволяет легко совместить в исследовательской практике и «дальнее», и «пристальное» чтения, сняв один из вариантов критики подхода [Jockers 2013: 26]. Прочсть корпуса стихов, исследуемые в этой статье, — дело одного вечера. Куда труднее было их собрать.

Что я обнаружу, поискав в интернете стихи, в которых упоминается Игарка? Исчерпав возможности сетевых поисковиков, исследователь обращается с тем же вопросом к электронным архивам журналов⁴ и без этой возмож-

2 Ф. Моретти исследовал список британских романов из двухсот названий, М. Джокерс — метаданные списка из восьмисот произведений, принадлежавших перу американских писателей ирландского происхождения [Moretti 2005: 4; Jockers 2013: 36–46].

3 Тезис о необходимости выхода за пределы канона соответствовал появлению электронных библиотек и каталогов с внутритекстовым поиском, тексты, переосмыслившие эвристический потенциал графиков, диаграмм, word clouds и карт — внедрению текстовых редакторов, презентаций и веб-ресурсов, и так вплоть до эпохи текстовых корпусов с соответствующими им методами дистрибутивной семантики и визуализации, которой сопутствовал призыв бросить вручную мышь самородки в оцифрованных базах текстов (panning for nuggets in digital archives) и начать их настоящую разработку при помощи машинного поиска [Jockers 2013: 9–10].

4 Звезда: указатель содержания журнала, 1924–1998 // <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=2>; Новый мир: указатель содержания журнала, 1925–2016 // <http://novyimirjournal.ru/index.php/allnewworld/453-all-new-woldr-open>; Электронный архив

ности⁵, не забывая пролистывать также советскую поэтическую периодику⁶. Полученные в результате корпуса способны продуцировать те же аргументы, что и «дальнее чтение» Моретти — Джокерса, например списки и графики, а самое главное, порождать определенные исследовательские интуиции. Сведя поэзию до скрытой в ней географии, я хотел бы показать некоторые паттерны внутренней литературной экспансии и предложить их интерпретацию, связанную с советской теорией и практикой освоения Севера.

«Повышенные запросы культурно-бытового характера»: «поворот к человеку» в освоении Севера

Важную роль в создании региональной инфраструктуры культурного строительства позднесоветской эпохи сыграла реформа, проведенная в августе 1957 года, в результате которой был учрежден Союз писателей РСФСР (далее — СП РСФСР). Генезис Союза связывают с борьбой руководства и литературной номенклатуры против либерально настроенных литераторов Москвы и Ленинграда, происходившей на фоне курса на децентрализацию экономики, предполагавшую и децентрализацию культурной сферы [Колобов 2014; Май-офис 2016]. Одним из последствий создания СП РСФСР стала пространственная экспансия советской литературы. В этом смысле особенно интересен процесс освоения Севера.

Одной из структурных рамок «северного» проекта был «поворот к человеку» [Калеменова 2019]. После свертывания системы ГУЛАГа насущной проблемой стал рекрутинг добровольных кадров для северной промышленности, что породило феномен новой северной урбанизации [Замятина, Пилясов 2018; Стась 2018]. Трудящихся начали привлекать на Север, и не только деньгами, но и при помощи улучшенных условий быта.

О «повороте к человеку» говорил Н.С. Хрущев во Владивостоке 6 октября 1959 года:

Надо привлекать новых людей не высокими ставками, а хорошими бытовыми условиями... <...> Позаботьтесь о том, чтобы в достаточном количестве были детские ясли, школы, чтобы в городе были кинотеатры и прочие культурные учреждения, обеспечьте хорошее снабжение людей продуктами, тогда все люди будут чувствовать себя не временными, а постоянными жителями этого прекрасного края⁷.

журнала «Сибирские огни», 1922—1980 // <http://www.sibogni.ru/archive>; Электронный архив журнала «Смена», 1924—2019 // <http://smena-online.ru/archive>; Электронный архив журнала «Юность», 1955—2019 // http://unost.org/?page_id=406.

- 5 Letopis' Zhurnal'nykh Statei, 1956—1975 (Indiana University Digital Library Program) // <http://webapp1.dlib.indiana.edu/letopis/index.jsp?lang=en>; Литература о Красноярском крае: библиографический указатель. Красноярск, 1961—1991; Русские писатели. Поэты (советский период): биобиблиографический указатель в 30 т. М.: Книга: Кн. палата; СПб.: РНБ, 1977—2017.
- 6 День поэзии: сборник. М.: Советский писатель, 1956—1991; День поэзии. Л.: Ежегодник. Л.: Советский писатель. Ленингр. отделение, 1961—1989.
- 7 Речь товарища Н.С. Хрущева на митинге трудящихся города Владивостока 6 октября 1959 года // Правда. 1959. 8 октября. № 281. С. 1—2.

Подобные речи были чертой дискурса «освоения» долгие годы:

На смену удовлетворенным потребностям в высоком заработке приходят повышенные запросы культурно-бытового характера. <...> Условия быта в самом широком смысле слова — вот что стало первостепенным в решении проблемы закрепления кадров⁸.

Одним из элементов рекрутинга кадров стала пропаганда северных городов как мест, успешных в создании культурно-бытового комфорта. Северные города, создававшиеся ранее с использованием труда заключенных, часто не были открыто представлены в общественном дискурсе. Воркуте пришлось постараться, выводя в публичное пространство скрытую индустрию [Barenberg 2014: 86]. Новая северная урбанизация с самого начала была публичным феноменом — как во времена первых пятилеток, «города и их внешний облик рассматривались как символы освоения пространства и инструменты создания и распространения определенной социалистической культуры» [Калеменева 2019: 62].

Репрезентационная стратегия новой урбанизации определялась концепцией освоения Севера, разрабатывавшейся Комиссией по проблемам Севера при СОПС Госплана СССР под руководством С.В. Славина. Ресурсное освоение климатически суровой, малонаселенной и дорогой в эксплуатации зоны к северу от старообжитых районов должно было производиться «отдельными локализованными очагами, которые представляются “оазисами” среди огромных незаселенных или малонаселенных пространств, не освоенных в промышленном отношении» [Славин 1961: 42]. Связь между «оазисами» и снабжавшими их южными «базами освоения», привязанными к общесоюзной транспортной сети, формировала вытянутый с юга на север каркас освоения. Отражением этой идеи были «меридианы», структурировавшие культурное пространство Севера — телепрограммы, такие как «Тюменский меридиан» (1969—2002), книги⁹ или сборники, выпускавшиеся СП РСФСР в Красноярске («Енисейский меридиан», 1967, 1972, 1977, 1982, 1985) и Магадане («Озябший меридиан», 1966, 1977). Кроме того, госплановская теория освоения и литературная реформа Союза писателей наложились на уже существовавшую основу — репрезентационная практика, согласно которой Север приписывался к административному центру, которому подчинялся, существовала с раннесоветских времен¹⁰.

Советское освоение было формой экономической экспансии государства на территориях, которые предполагались культурно «пустыми» [Кукулин 2012]. Литературное обеспечение экспансии на Тюменский Север выглядело именно так: писатели совершали объезды «новой» территории, заполняя «пустоту» возникшими из ниоткуда городами и при этом создавая для них прецедентные тексты и литературную историю. Поэтический каркас освоения подобных районов, о чем свидетельствуют биографические метаданные корпусов «географических» стихотворений, создавался усилиями новых людей со

8 Лин Л. Северянам нужен комфорт // Литературная газета. 1971. 21 июля. С. 10.

9 Щербина Б.Е. Тюменский меридиан. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1966.

10 Как заметил при обсуждении этого текста И.Н. Стась, территории ХМАО и ЯНАО назывались в прессе 1920-х — середины 1930-х годов Уральским Севером, Тобольским Севером и Обь-Иртышским Севером (по недолгому существованию Обь-Иртышской области), в конце 1930-х — начале 1940-х годов — иногда Омским Севером.

всей страны. Каркас освоения других районов Севера сохранял память о травме предшествующего периода — пусть даже сами стихи молчали, биографии авторов были красноречивы: попадая в Магадан, даже «новые» литераторы, рекрутированные в систему Союза писателей в 1960-х, двигались по траекториям, проложенным в другую эпоху¹¹.

Новые северные города, стоявшие «нигде» детерриториальные ковчеги, оплоты позднесоветской «нормальности» [Fürst 2013: 639], привлекавшие население со всей страны и не без успеха осуществлявшие внутри себя транснациональную утопию [Florin, Zeller 2018], вряд ли могут быть описаны при помощи «нарративов стагнации» [Reconsidering Stagnation 2016; Ruthland, Smolkin-Rothrock 2014]. Вместе с тем стихотворные репрезентации этих городов в массе своей, хотя и отнюдь не всегда, представляли собой едва ли не самое зримое воплощение духа позднесоветской литературной халтуры, обусловленной конъюнктурой и осуществляемой с понижением стандартов, задававшихся высокой литературой. Как такое могло случиться?

«Уткоречь» и этос командировочного

Загадку советского литературного социолекта разгадывали не раз: «географический» корпус стихов эпохи освоения Севера мог бы послужить бездонной кладовой примеров теоретикам, которых, при всех отличиях в аргументации, объединяет общая интонация критики со стороны highbrow culture. Б. Гройс назвал советский стиль «тавтологией», отметив, что соцреалистическое отождествление жизни с художественным проектом уничтожало творчество, обрекая авторов на повторения [Гройс 1993: 6]. О. Седакова видела в советских стихах альтернативную европейской «другую поэзию, (не) вышедшую из позднего фольклора» [Седакова 1997]. А. Романенко описывал советских поэтов как речедееателей, в практике которых образ риторика, определяющего единственно правильную социальную интерпретацию речи, оказывался важнее «индивидуализирующего» образа автора, а канцелярско-пропагандистская риторичность поглощала поэтические функции [Романенко 2000]. Автор известной антологии пригвоздил советскую поэзию как «уткоречь» (термин Дж. Оруэлла), «продукт распада культуры», «требующее только работы речевого аппарата и не требующее работы мозга... проговаривание туманных архетипов», наступившее в связи с поражением «интеллектуального центра нации» [Галковский 2006]. К. Богданов определил советский социолект как «демагогию», то есть риторическое орудие демократической консолидирующей риторики, работающей не в сфере рефлексии, а в сфере надлежащего ритуального действия [Богданов 2008]. А. Юрчак описал советский стиль как практику формальной ретрансляции «авторитетного языка», утратившего возможность влияния на господствующую фигуру идеологии, а значит, и возможность всякого развития [Юрчак 2014: 91—93, 110—111, 136].

Добавим к этому лишь одно. Для классической европейской поэзии органична интимно-лирическая связь творчества поэта с местами его биографии.

11 В этом смысле показательны биографии большинства авторов сборника: Я расскажу тебе про Магадан: сборник стихов о Магадане / Сост. В.Б. Тимаков. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1990.

Редкое появление в нашем корпусе представителя «неподцензурной» поэзии почти всегда означает, что он был связан с тем или иным городом на уровне частной биографии. В официальной советской литературе эта связь была переосмыслена как гражданско-служебная. Работа советского литератора как «речедеятеля», «тавтолога» и «демагога» предполагала разъезды. В период между 1967 и 1970 годами в творческие командировки выезжали 2058 членов СП РСФСР из 3605¹². Служба в государственном репрезентационном проекте не оставляла места для личной жизни:

И я ценю свой дом, покой, уют,
Театры, книги и прогулки с другом.
Но сотни дел меня зовут и ждут
В Тюмени, в Братске, за Полярным кругом.

Любовь к квартире так легко понять:
Мне редко в ней приходится бывать¹³.

«Командировочный» этос объясняет поспешность, с которой составлены многие из текстов, входящих в «географические» корпуса. Поэзия как перформативный процесс, осуществлявшийся здесь и сейчас, была важнее направленной в будущее поэзии *sub specie aeternitatis*. Поэт-оратор не имел права сидеть на месте, занимаясь отделкой своего стиля, ему было положено заполнять собой каркас освоения.

«Вся ли страна нами замечена?»: областное измерение советской литературы

Существовавший в 1950-х годах литературный ландшафт страны был сформирован «империей положительной деятельности» [Мартин 2011], опиравшейся на сетку национальных республик и краев¹⁴. В результате учреждения СП

12 Третий съезд писателей РСФСР. 24–27 марта 1970 г. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1972. С. 144.

13 Позина Л. Земля в ладонях // Звезда. 1985. № 3. С. 159.

14 В 1934–1935 годах первые писательские организации на Севере и в северо-восточной части СССР получили Карельская АССР, Северный край (с центром в Архангельске), Автономная область Коми (Зырян), Уральская область (с центром в Свердловске, затем разукрупненная), Западно-Сибирский край (с центром в Новосибирске), Восточно-Сибирский край (с центром в Иркутске), Бурят-Монгольская АССР, Якутская АССР и Дальневосточный край (с центром в Хабаровске). Следующим поколением отделений СП СССР стали отделения краевых и республиканских центров, возникших в результате разукрупнения регионов второй половины 1930-х: Молотовская область (1940), Тувинская народная республика (особый случай, 1942), Красноярский край (1946), Хакасская автономная область, Читинская область и Приморский край (1949), Алтайский край (1951), Горно-Алтайская область (1958). Отделения Союза, размещенные в бывших центрах разукрупненных административных единиц, продолжали существовать, например, в Архангельске, Свердловске, Новосибирске, Иркутске и Хабаровске, однако новые центры, возникшие в результате разукрупнений, как правило, не имели возможности открыть отделение Союза до конца 1950-х годов.

РСФСР возникло областное измерение советской литературы. Отделения Союза открылись во множестве «новых» областей, фактически существовавших уже десятилетия: писательские организации получили Магаданская (1960), Вологодская (1961), Омская, Кемеровская (1962), Тюменская (1963), Курганская (1965) и Сахалинская (1967) области.

«Москвоцентричная страна», погруженная в «самодовлеющую закрытость» пространства, построенного на тщательно отобранных репрезентациях [Добренко 2007: 466—508], обратила свой взор на пространства, которых прежде не видела. Стихотворение «*Вся ли страна нами замечена?*», составленное во время кампании по освоению целины и накануне призыва молодежи на комсомольские стройки (19 мая 1956 года), отвечало этому духу:

...Мы звенели стихами приятными,
воспевали простор без границ,
а простор оставался за пятнами
наших,
в сущности,
белых страниц.

Сколько нами еще не написано,
а бывает,
и отстаем
мы не только от острова Диксона,
от района,
в котором живем...¹⁵

Имплицитная логика позднесоветской литературной индустрии заключалась в обновлении топографического лексикона. Производство репрезентаций страны было поставлено на поток, и, как это бывало с советским производством, продукт его существовал вне товарной логики. Созданные по итогам командировки отчетные стихотворения, содержащие ключевые слова, не были самоценны вне контекста их производства. Исследуя феномен советской «географической» поэзии, следует помнить, что часто перед нами не стихотворение в его классическом смысле, то есть высказывание, предназначенное для длительного существования и переосмысления в будущем и в конечном счете отчуждающееся от создавшего его биографического контекста, но, напротив, сухой остаток процесса его производства, перформативного акта, обстоятельства которого давно канули в Лету.

Корпуса стихов, в заглавиях которых упомянуты северные топонимы, при всех оговорках, связанных с релевантностью источников, отражают высокую популярность географической темы в позднесоветский период. Единственный регион Севера, обладающий существенным поэтическим досье, сложившимся в раннесоветский период, — Хибинь: половина из двух десятков стихов, сохранивших в заглавии слова «Хибинь», «Хибиньгорск» и «Кировск», была опубликована в период первоначальной промышленной разработки региона, сопровождавшейся агиткампанией (1933—1940). Другая серия поэтической

15 Ушаков Н. *Вся ли страна нами замечена?* // Ушаков Н. Стихотворения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 202.

популярности Хибин (1962—1981) совпадает с описанным выше областным периодом истории Союза писателей¹⁶.

Крайне редко созданные вне местного контекста раннесоветские стихи, посвященные Воркуте или Игарке. В позднесоветский период их стало много. Серия из десятка стихов, имеющих в заглавии слово «Воркута» и производные, относится к 1958—1976 годам¹⁷, серия из двух десятков стихов, посвященных Игарке, — к 1950—1990 годам¹⁸. Важный аспект — география проживания авторов. Поскольку члены региональных отделений Союза писателей всегда полагали своей задачей создание репрезентаций подведомственного района, иногда я исключаю из корпуса стихи «местных» авторов, получая «внешнюю» поэтическую картину города/региона, составленную авторами, не имевшими с ним постоянных профессионально-биографических связей. Три из 17 стихотворений 1956—1981 годов, имевших в заглавии слово «Норильск», были созданы представителями курировавшей город красноярской писательской организации, по меньшей мере два — норильчанами, 12 — «внешними» авторами, 9 из которых были москвичами¹⁹. Места проживания авторов «игарского» досье — Москва (5 авторов), Красноярск и Новосибирск (по 3), Ленинград и Ростов-на-Дону (по 2), а также Рига, Вильнюс, Смоленск, Железноводск, Ульяновск и Иркутск (по 1 автору).

Корпуса позволяют показать клишированность стихотворений на уровне формальных элементов. Рифмы к топониму Самотлор (12 текстов, 1971—1981), вполне передают дух этой поэзии: Самотлор — простор (4 случая), мотор (3 случая), спор (2 случая) и т. д.²⁰

После 1957 года на сетку новых областных отделений Союза писателей наложилась практика писательской бригады, отправлявшейся из центра на периферию, что соотносилось с применявшейся в освоении Севера системой «базовый город — вахтовый метод». Этой конфигурацией в основном определялось производство репрезентаций Севера, в частности соотношение «внешней», «областной» и «местной» составляющих внутри корпуса. В корпусе из 50 стихотворений, содержащих в заглавии топоним «Братск» (*ил. 1*) и производные (1956—1990), 10 составили представители курировавшей Братск иркутской организации, остальные — приезжие москвичи (25 названий), ленинградцы (5 названий) и единичные авторы из Донецка, Горловки и Петрозаводска²¹. Заглавия предполагали, что лирический герой должен был увидеть Братск во-

16 В целях экономии места библиографические описания корпусов стихотворений, на которые опирается эта работа, в большинстве случаев сокращены; рабочие метаданные произведений, входящих в корпуса (имя автора, годы жизни, название произведения, место публикации, дата создания / первой публикации), опущены; указываются только хронологические рамки корпуса, число авторов и общее число входящих в него стихотворений. В целях демонстрации культурного контекста корпуса включают переводы с языков народов СССР и «географические» тексты неподцензурной/эмигрантской поэзии и авторской песни, опубликованные после 1991 года. Их число незначительно. «Хибинский» корпус (1932—1984) известной нам географической поэзии включает в себя 22 стихотворения 15 авторов.

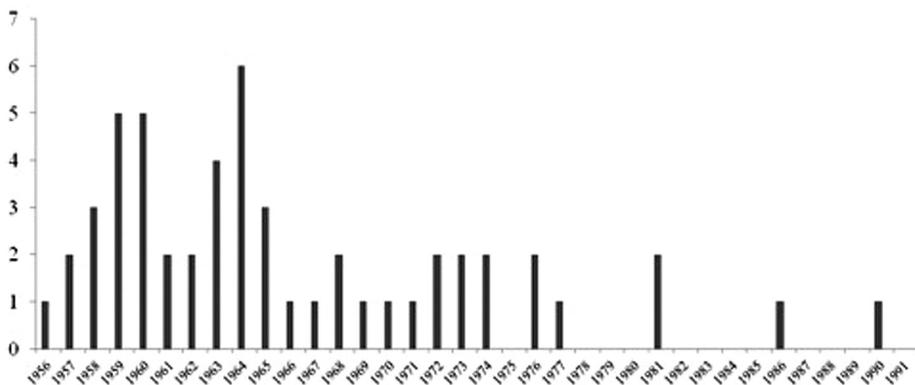
17 «Воркутинский» корпус (1958—1985): 12 стихотворений 10 авторов.

18 «Игарский» корпус (1950—1990): 23 стихотворения 19 авторов.

19 «Норильский» корпус (1956—1981): 17 стихотворений 17 авторов.

20 Эксплуатация Самотлорского нефтяного месторождения началась в 1968 году: «Самотлорский» корпус (1971—1981) включает в себя 12 стихотворений 11 авторов.

21 «Братский» корпус (1956—1990): 52 стихотворения 40 авторов.

Ил. 1. Число составленных на русском языке стихотворений, имеющих в заглавии название «Братск» и производные, созданных профессиональными поэтами без долговременных биографических связей с городом. 1956–1991.

очию, а затем уехать, отсюда — «прощания с Братском» Ю. Панкратова (1964) и С. Гребенникова с Н. Добронравовым (1968, песня на музыку А. Пахмутовой).

В случае удаленных центров, опиравшихся на инфраструктуру предшествовавшего периода, литературное освоение предполагало долговременные сценарии. Отделить «внешних» авторов от «местных», а частные биографии от деловых командировок в составе «магаданского» корпуса (1955–1988) крайне сложно. Даже если вынести за скобки «дальстроевский» период, ограничившись молодыми литераторами, рекрутировавшимися в новую систему (отделение СП РСФСР в Магадане открылось в 1960 году), их жизненные пути все равно предполагали длительную связь с регионом²². Показателен пример И. Кохановского, который «уехал в Магадан», чтобы, поработав там, опубликовать первую книгу и таким образом начать карьеру литератора в Москве [Рыльский 2014].

Формой, соединявшей метод литбригад с новой географией Союза писателей, стали литературные праздники. Не касаясь административного аспекта этой практики²³, часто описывавшейся как модное поветрие, проследим ее динамику. «Дни поэзии» впервые состоялись в Москве 11 сентября 1955 года. «Дни советской литературы» начались в 1970 году с фестивалей в Брянской и Тюмен-

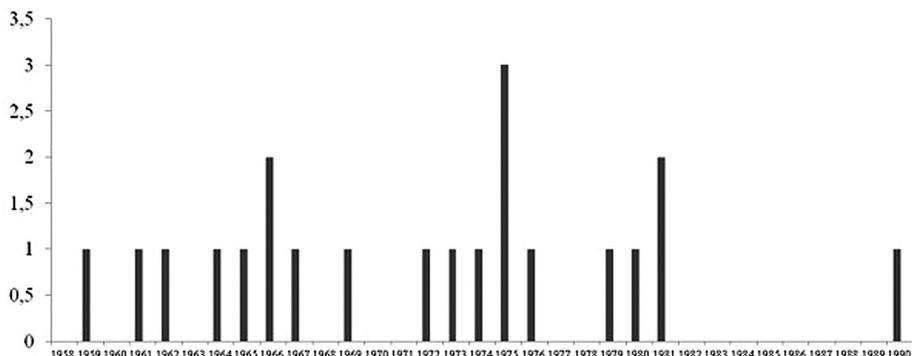
22 «Магаданский» корпус (1955–1988): 25 стихотворений 20 авторов.

23 По замечанию И.Н. Стася, график «тюменских» стихов и точки их роста соотносятся с постановлениями советского правительства и ЦК партии о нефтегазовом освоении севера Западной Сибири, которые всегда обеспечивали новый качественный этап освоения. Первые два постановления относятся к 19 мая 1962 года и 4 декабря 1963 года, следующее — к 11 декабря 1969 года. На III съезде СП РСФСР, за год до V съезда СП СССР и накануне серии «Дней советской культуры», поэт Н.С. Тихонов призывал возродить практику писательских бригад: «Нам в ближайшие... годы предстоит провести Всесоюзный писательский съезд. Что если заблаговременно были бы созданы писательские бригады, которые, соединив молодых писателей, поэтов, очеркистов, под главенством испытанных старых литераторов окунули бы в гущу жизни, обьехали бы главные стройки, колхозы, края и республики, как это было перед Первым писательским съездом в 1934 году?». См.: Третий съезд писателей РСФСР. 24–27 марта 1970 г. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1972. С. 167, 263.

ской областях. История «Дней поэзии» реконструируется по данным каталогов РГБ и РНБ, хранящих сборники, изданные по итогам мероприятий. Через год после праздника 1955 года, представлявшего собой встречи поэтов с читателями, из печати вышел московский «День поэзии», затем издававшийся до конца советского периода. Страна последовала московскому примеру²⁴. «Дни поэзии» не всегда заканчивались изданием отчетных томов, и мы не видим полной картины, однако даже «пунктирный» список свидетельствует, насколько важную роль в этом движении играла областная сетка отделений СП РСФСР.

Масштабные «Дни советской литературы» (ДСЛ), отвечавшие актуальной политической повестке, были не столько следствием инициативы низовых ячеек Союза, сколько проектом, инициировавшимся сверху. Впервые «Дни советской литературы» состоялись в 1970 году, их география включала всю территорию СССР, страны Варшавского договора и Афганистан²⁵. Пик частоты «Дней поэзии» пришелся на 1964–1965 годы, а «Дней советской литературы» — на 1973 и 1975 годы. Вот как это соотносится с числом стихотворений «игарского» корпуса (ил. 2).

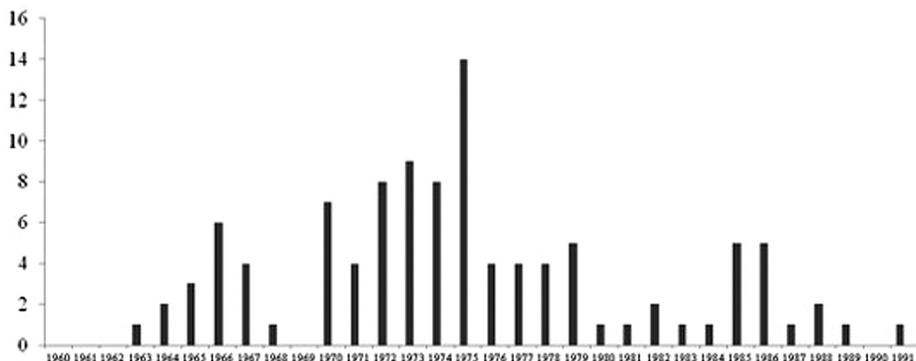
Свидетельство масштабности явления — литературные фестивали, проводившиеся в Тюменской области в 1963–1975 годах. Число литературных репрезентаций Тюмени в этот период быстро росло. В корпусе стихотворений, упоминающих Тюмень в заглавии, за период 1960–1991 годов — 43 стихотворения (если расширить корпус за счет стихов, упоминающих Тюмень в тексте, то чис-

Ил. 2. Число составленных на русском языке стихотворений, имеющих в заглавии название «Игарка» и производные, созданных профессиональными поэтами без долговременных биографических связей с городом. 1958–1990.

- 24 Сборники по образцу московского «Дня поэзии» были изданы / начали издаваться в 1950–1960-х годах в следующих городах: Душанбе (1957, 1962), Курск (1959), Ленинград (1961–1989), Свердловск (1962), Ярославль (1963), Кемерово (1964, 1970), Воронеж (1964), Ростов-на-Дону (1964, 1966), Симферополь (1964, 1965), Алма-Ата (1965–1969), Новосибирск (1965–1970), Владивосток (1965), Куйбышев (1967), Красноярск (1967), Архангельск (1968–1970), Саратов (1969) и т. д.
- 25 Число «Дней советской культуры» по годам, согласно описям фонда СП СССР в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ): два (1970), три (1971), пять (1972), девять (1973), четыре (1974), одиннадцать (1975), шесть (1976), двенадцать, в т. ч. ПНР и ГДР, НРБ и ЧССР (1977), шесть (1978), семь (1979), пять (1980), три (1981), девять (1982), восемь (1983), пять (1984), десять (1985), четыре (1986), один (1987), один (1988). РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30.

ло вырастет до сотни)²⁶. Это связано с тем, что при наложении литературного процесса на инфраструктурный каркас освоения региона имя города, фактически не относившегося к Северу, было перенесено на новые территории (ил. 3).

Ил. 3. Число составленных на русском языке стихотворений, включающих в себя название «Тюмень» и производные, созданных профессиональными поэтами без долговременных биографических связей с городом. 1960—1991.

«Всюду звучали стихи»: Тюменщина как фабрика литературных репрезентаций

Сразу после учреждения областного отделения Союза писателей РСФСР (16 января 1963 года) в Тюменской области стали проводиться литературные праздники: «Недели поэзии» (1963—1965) и «Дни советской литературы» (1970—1965).

География «Недель поэзии» (НП) менялась: если в первом празднике осенью 1963 года помимо тюменцев участвовали немногие поэты из Москвы и Свердловска, не выезжавшие дальше юга области²⁷, то во время третьей праздничной недели к ним добавились делегаты из Казани (7 человек), Новосибирска и Кургана, а поездки распространились на всю территорию области. «На этот раз стихи звучали не только в городах, но и далеко за Полярным кругом, в отдаленных селах южной зоны области»²⁸.

Большим размахом отличались областные «Дни советской литературы», проводившиеся в конце июля (1970—1975). В 1970 году в них участвовало пять десятков литераторов (18 москвичей, по три минчанина и новосибирца, по два киевлянина, бакинца, рижанина, свердловчанина, курганца, ряд отдельных представителей других областных писательских организаций, а также семеро тюменцев)²⁹. Список участников «Дней советской литературы» 1971 года при

26 «Тюменский» корпус (1957—1989) составили 43 стихотворения 38 поэтов.

27 Семь дней поэзии // Тюменская правда. 1963. № 250. 23 октября. С. 3.

28 Всюду звучали стихи // Тюменская правда. 1965. № 289. 8 декабря. С. 4.

29 Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 3999. Оп. 1. Д. 40. Переписка Тюменской областной писательской организации Союза писателей РСФСР с организациями о подготовке и проведении Дней литературы в Тюмени. Л. 43.

сохранении той же пропорции республиканских и иногородних участников составлял 76 человек³⁰, и этот масштаб («более семидесяти писателей из союзных республик, четырех АССР... и сорока городов» в 1973 году)³¹ сохранялся на протяжении нескольких лет, сократившись до 34 участников лишь в 1975-м³².

«Дни советской литературы» нанизывались на каркас перемещений литбригад по территории области. Маршрутная схема дней, соответствовавшая, с одной стороны, актуальной транспортной сети, с другой — карте социалистическихстроек, была важным элементом пропаганды праздника. Тюменское отделение каждый год публиковало буклеты, изображавшие эти маршруты (ил. 4).

Ил. 4. Маршруты «Дней советской литературы» 1970 года. Источник: Тюменская правда. 1970. 24 июля.

Прибыв в областную столицу, проведя официальные мероприятия и встречи, писатели выезжали в Тобольск, который был избран в качестве главного символического места действия праздника — литературного фестиваля на открытом воздухе — не только в силу красоты места и его истории, но и вследствие узловой роли города, от которого начиналась дорога на нефтяной север. В 1970-е годы «Дни советской литературы» двигались по четырем безымянным маршрутам³³. На следующий год маршрутов стало семь, и они обрели названия, связанные с ресурсно-экономической специализацией районов тюменского промышленного комплекса: «Нефть», «Газ», «Хлеб», «Лес», «Дорога», «Геолог» и «Нептун»³⁴, превратившись в подобие *songlines*, предназначенных для ритуального открытия «новой» территории. Во время мероприятий 1973 года, включавших в себя

130 встреч с читателями³⁵, маршрут «Хлеб» был разбит на четыре, то есть всего маршрутов стало одиннадцать³⁶. В 1975 году их было три³⁷.

Прежде чем обратиться к риторике, сопровождавшей эти практики, отметим репрезентационные эффекты, ими порождавшиеся.

Во-первых, тюменский случай интересен перенесением имени южной базы, собственно Тюмени, на лежащие к северу районы нового освоения. Оно объясняется упомянутым выше «меридиональным» принципом советской теории освоения и существовало уже в 1965 году:

30 ГАСПИТО. Ф.3999. Оп. 1. Д. 47. Л. 79—82.

31 Там же. Д. 66. Л. 189.

32 Там же. Д. 77. Л. 4.

33 Там же. Д. 40. Л. 24, 88—91.

34 Там же. Д. 47. Л. 28—30, 33, 34, 39, 51—510б.

35 Там же. Д. 66. Л. 189.

36 Там же. Д. 66. Л. 105—110, 114—115.

37 Там же. Д. 77. Л. 16—18.

Я пою не про ту Тюмень,
Где домов стооконных тень.
А про ту Тюмень, где олень
На рогах поднимает день.
И горит на снегах живых
Круговой огонь буровых³⁸.

Распространенное также в публицистике³⁹, перенесение осуществлялось при помощи стереотипных приемов. В стихах Д. Ковалева «А за Тюменью» (1973) и В. Бокова «Там, за Тюменью» (1975) город Тюмень описывался как рубеж, севернее которого лежат ценные территории⁴⁰. Для их описания вводились особые имена, примерами которых стали «Тюменщина» (этот вариант в свое время травестировал М. Немиров) и «Тюмения»:

Разве я перечислю богатства Тюменщины!⁴¹

Нефтяники, пришедшие от Каспия,
От Волги и Башкирии степей,
Орлы труда, слетались не напрасно вы
К Тюмени таинственной моей⁴².

Во-вторых, маршруты писателей, наложенные на транспортно-логистическую инфраструктуру освоения Тюменского Севера, прямо детерминировали выход продукта, который, хоть это никогда не артикулировалось открыто, был одной из целей — литературных географических репрезентаций (топоним в стихотворении выступал своего рода аналогом строки авансового отчета по командировке). Все три известных нам стихотворения о Горноправдинске относятся к 1972—1973 годам и восходят к маршруту «Нефть», проложенному во время «Дней советской литературы» 1970 и 1971 годов, в ходе которого писатели, двигавшиеся на теплоходе из Тобольска в Ханты-Мансийск, посещали этот поселок⁴³.

Командировочные писатели формировали пул, кочевавший от одного литературного события к другому. Многие из них после тюменских «Дней советской литературы» ехали в Красноярск на «Енисейские встречи», также нанизанные на меридиональный маршрут, соединявший Красноярск с ленинскими

38 Ошанин Л. Хочу в Тюмень // Ошанин Л. Сто песен. М.: Художественная литература, 1966. С. 32—33.

39 «Под словом “Тюмень” теперь подразумевается, как известно, пространство, простирающееся от казахстанских степей на юге и берегом (sic!) Ледовитого океана на севере» (Филатов В. Реванш // Тюменские клады. Очерки и повесть. М.: Советский писатель, 1980. С. 127).

40 Ковалев Д. А за Тюменью // Ковалев Д. Чуткая глубина: стихи. М.: Советская Россия, 1973. С. 204—206; Боков В. Там, за Тюменью («Над лесами, озерами, топиями...») // Знамя. 1975. № 9.

41 Туркин В. Самоглот // Тюменский самородок. М.: Советская Россия, 1974. С. 170—171.

42 Федорова Л. Моя Тюмения // Федорова Л. Ветка шиповника: стихи. М.: Советский писатель, 1977. С. 58—60.

43 Тарба И. Детский сад в Горноправдинске / Пер. И. Фоянкова // Огонек. 1972. № 16. С. 23; Туркин В. Мальчишкам из Горноправдинска // Самоглот. Тюмень, 1975. С. 114—115; Хелемский Я. Киевская улица в Горноправдинске // Правда. 1973. № 364. 30 декабря. С. 3.

местами и северной промышленностью. Тринадцать из 36 поэтов, участвовавших в «Енисейских встречах», хотя бы однажды принимали участие в «Неделях поэзии» и «Дня советской литературы»; 6 из 13 бывали в Тюмени дважды и более; 8 из 36 авторов были авторами стихов, посвященных Тюмени или упоминающих это название [Енисейские встречи 1976].

Производство репрезентаций мест было имплицитной составляющей литературного дискурса; эксплицитной была пропаганда — писатели и поэты отправлялись в командировки, чтобы воспеть труд советского народа. «Приехав на “геологический поиск” в ваши края, я думаю, что сумею написать роман о геологах, о их нелегком, но прекрасном труде», — заявляла А. Коптяева, выступавшая в Тюмени в 1970 году⁴⁴. «Надеемся, что впечатления от предстоящих встреч на тюменской земле станут заготовками для новых книг о людях труда», — вторил ей А. Семенов, разметчик Тюменского судостроительного завода, секретарь партийной организации и рабкор⁴⁵.

Для «тюменского» корпуса характерен восходящий к «Разговору с фининспектором о поэзии» советский вариант *captatio benevolentiae* — поэт добивался благосклонности адресата/героя стихотворения, апеллируя к хозяйственным категориям⁴⁶:

От Москвы, дружок Геннадий,
Ты не ближе, чем Париж.
Ты Сибирь на нефть буришь —
Я бурю Сибирь на радий.
<...>
Мы с тобой трудом докажем,
И пойдет по всем фронтам:
— Больше песен — больше скважин,
Пусть из каждой бьет фонтан!⁴⁷

Бурмастер обычно заключал, что поэзия и работа буровика — одно и то же. «Поэты? Мы тут все поэты»⁴⁸, «Бурмастера — / немного поэты. / Поэты — немного бурмастера»⁴⁹. Поэтическая работа приравнивалась к одной из отраслей народного хозяйства, а значит, ее продукция могла измеряться в тех же категориях, что и продукция других отраслей. Статус этой работы был далек от вершин советской промышленной табели о рангах, отсюда ресентимент, который испытывали поэты.

44 Хренов В. У разведчиков недр // Тюменская правда. 1970. № 173. 28 июля. С. 1.

45 Семенов А. Герои живут среди нас // Тюменская правда. 1971. № 173. 23 июля. С. 4.

46 Л. Решетников обращался с речью к буровому мастеру Тюменьнефтегазоразведки Д.А. Ильину, В. Павлинов — к начальнику мостопоезда Валентину Солохину, И. Френкель — к буровому мастеру Геннадию Лёвину, И. Савельев — к неизвестному буровику в самолете, а В. Шлёнский — к бурмастеру Петрову, летящему из Гамбурга в Ямбург. См.: Решетников Л. Письмо буровому мастеру «Тюменьнефтегазоразведки» Д.А. Ильину // Сибирские огни. 1966. № 11. С. 21—22; Павлинов В. Разговор с Валентином Солохиным, начальником мостопоезда № 15 // Юность. 1972. № 7. С. 83—84; Френкель И. Возвращение // Френкель И. Жизнь моя: стихи разных лет. М.: Советский писатель, 1973. С. 239—251; Савельев И. Стихи о красоте // Смена. 1974. № 22. С. 6; Шлёнский В. Доноры тепла (Главы из поэмы) // Смена. 1986. №. 20. С. 10—11.

47 Френкель И. Возвращение.

48 Павлинов В. Разговор с Валентином Солохиным, начальником мостопоезда № 15.

49 Шлёнский В. Доноры тепла (Главы из поэмы).

Нельзя недооценивать символическую роль, которую играло «культурное строительство» в ситуации, требовавшей привлечения кадров, уже привыкших к комфортной жизни. Поэтические вечера и книжные магазины были инструментом пропаганды советского северного проекта. Частыми были упоминания о дефиците этих насущных вещей, конвенциональный элемент критики плановой экономики, не справлявшейся с запросами трудящихся:

Никогда не забуду, как в морозный зимний вечер в Уренгое состоялась встреча геологоразведчиков с космонавтом Борисом Волиновым и работниками ЦК ВЛКСМ.

Уренгой тогда только строился. Не было хорошего жилья и детских садов, клубов, не хватало общежитий, магазинов, столовых. Словом, я ждал, что посыплются нарекания на бытовую неустроенность. Но вот поднялся один, второй, третий комсомолец, и жалоба у всех одна — книжный голод.

<...> Вскоре ЦК Комсомола оказал помощь северянам. Книги появились, но все равно их не хватает и поныне. Особенно нужны яркие публицистические произведения о сегодняшней Сибири и ее людях, чтобы они разбудили в читателях интерес к этому краю, вызвали желание принять участие в его преобразовании, влиться в ряды первопроходцев.

Очень мало, к сожалению, таких книг⁵⁰.

Представление о литературной работе как об отрасли экономики предполагало, в частности, аудит продуктивности литераторов, выезжавших в командировки. В 1973 году тюменцы пытались оценить творческий эффект «Дней советской литературы»:

Участники Дней Литературы после пребывания в Тюмени опубликовали произведения, в которых поделились своими впечатлениями о нашей области и ее людях: <...>

3. Людмила Татьяничева в двух последних поэтических сборниках опубликовала циклы стихотворений о тюменской (sic!) земле («Город нефтяной», «Тайга», «Нефтяной фонтан»).

4. Виктор Боков в различных союзных журналах и газетах опубликовал много стихотворений о Сургуте, Урае, о рыбаках, о лесорубах.

5. С целым рядом стихотворений выступили Владимир Туркин, Алексей Смольников, Илья Френкель, Марк Лисянский, Кутби Киром, Юсуп Хаппалаев, Виктор Соколов, Вячеслав Кузнецов и другие⁵¹.

До разработки полноценных критериев продуктивности в этом случае не дошло, однако стихотворные корпуса и списки поэтов позволяют нам оценить творческий эффект литературных праздников.

В 1963—1965 годах в тюменских «Неделях поэзии» приняли участие как минимум 17 иногородних поэтов, из которых семеро представляли московскую, трое — свердловскую, двое — казанскую и курганскую писательские организации. В Тюмень также приезжали поэты из Волгограда, Ленинграда и Новосибирска. Наиболее часто «Недели поэзии» посещали агенты литературной индустрии — редактор издательства «Молодая гвардия» москвич Д. Ковалев (1963, 1964, 1965) и собкор «Литературной газеты» новосибирец И. Фoniaков

50 Салманов Ф.К. Сибирь — судьба моя. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 300—301.

51 ГАСПИТО. Ф. 3999. Оп. 1. Д. 66. Л. 145.

(1964, 1965). Согласно корпусу стихов, посвященных Тюмени или включающих ее упоминание, самым продуктивным с точки зрения этого индикатора участником мероприятий оказался волгоградец Ю. Окунев, опубликовавший по итогам командировки 1964 года по меньшей мере два стихотворения⁵². С командировки 1965 года также началась «тюменская» серия москвича В. Бокова⁵³.

В 1970—1975 годах тюменское отделение СП РСФСР привлекло к участию в «Днях советской литературы» около 150 поэтов. Среди них преобладали москвичи (41 человек) и ленинградцы (11 человек). Другие города РСФСР были представлены меньше: Свердловск и Новосибирск (3 делегата), Смоленск, Волгоград, Киров, Пермь, Курган, Омск, Иркутск и Чита (по 1 делегату). Больше мест в программе «Дней советской литературы», утверждавших идеалы дружбы народов, занимали представители республик: Украинской ССР (8), Белорусской ССР (7), Латвийской ССР, Таджикской ССР и Татарской АССР (по 6), Азербайджанской и Грузинской ССР (по 5) и т. д. В 1972—1974 годах для участия в «Днях советской литературы» также были приглашены один делегат из Болгарии и по два делегата из Венгрии, Польши, Румынии и Югославии.

Двадцать из 150 поэтов приняло участие в «Днях советской литературы» как минимум дважды, пятеро — трижды, четверо — четырежды и трое — пять раз. Семнадцать из трех десятков поэтов, регулярно посещавших тюменские праздники, были москвичами, трое — ленинградцами, также в числе завсегдаев оказалось по одному представителю соседних регионов — Новосибирской, Курганской и Свердловской областей, сохранялся пул представителей республик — три латыша, два украинца, одна чеченка, татарин, дагестанец и кабардино-балкарец.

На стыке двух множеств — трех десятков поэтов, побывавших на «Днях советской литературы» дважды и более, и двух десятков участников, составивших по итогам мероприятий хотя бы одно «тюменское» стихотворение, обнаруживаются авторы, по-видимому, наиболее «эффективно» выполнившие профессиональные обязательства. Производственным лидером стал москвич В. Боков («НП», 1965; «ДСЛ», 1970—1973), опубликовавший три стихотворения (1971, 1975, 1985), за ним следовали свердловчанин Л. Сорокин («ДСЛ», 1970—1974, два стихотворения), ленинградка Н. Королева («ДСЛ», 1970 и 1974, два стихотворения), москвичи И. Френкель («ДСЛ», 1970 и 1972, два стихотворения), Ю. Панкратов («НП», 1965; «ДСЛ», 1971, два стихотворения) и М. Ли-янский («ДСЛ», 1972, два стихотворения).

Как свидетельствует динамика стихотворных репрезентаций Тюмени, «Недели поэзии» и «Дни советской литературы» безусловно сыграли свою роль в увеличении числа этих текстов. Можно заключить также, если этот пример релевантен для обобщений более высокого уровня, что члены областных организаций Союза, выполняя важную роль координационных узлов новой инфраструктуры, не занимали весомого места в валовом производстве коллективного самоописания. Редко попадали в корпус и переводы «национальных» поэтов республик, участвовавших в литературных праздниках. Центральную роль в производстве репрезентаций Тюменского Севера играли представители

52 Окунев Ю. Как хлеб насущный... (1964) // Литературная Россия. 1964. № 50. 11 декабря. С. 3; Он же. Тюмень впервые (из сибирской тетради) (1966) // День поэзии. М.: Советский писатель, 1966. С. 46.

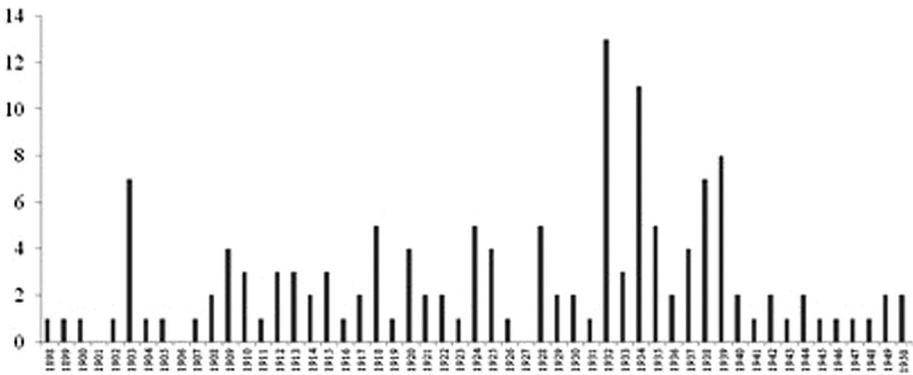
53 Боков В. Что привезти тебе из Тюмени (1966) // Боков В. Стихотворения и песни. М.: Художественная литература, 1973. С. 163—164.

столицы, формировавшие пул постоянных участников и хедлайнеров «Дней советской литературы», таких как Ю. Друнина (1971 и 1972), С. Михалков (1974) и Р. Рождественский (1975). Именно они заполняли выстроенный в 1960-х поэтический каркас освоения.

Заключение

Упомянем о возможностях, которые открывают «географические» корпуса перед исследователем просопографии литературного мира. «Снежный ком», в который обращается работа по собиранию подобных коллекций, редко прирастает текстами авторов, оппозиционных официальной литературе. Стихи Я. Сатуновского «Тюмень, да теща» (1964), Л. Аронсона «Сонет в Игарку» (1967) и В. Ковенацкого «Мой друг приехал из Норильска» (дата не установлена) — маргинальное явление с точки зрения корпуса «географических» стихов, описанного в этой работе. Если быть последовательным, эти и подобные им стихи, так же как и тексты бардов, например «Тюменская нефть» В. Высоцкого (1972) или «Хибины» Ю. Визбора (1981), не публиковавшиеся в советский период, должны были бы остаться за пределами корпуса. Но, учитывая их, мы задаем важный сравнительный контекст для стихов «официального» происхождения.

Исследование биографических метаданных 142 авторов совокупного корпуса «географических» стихов (ил. 5), составившего основу статьи, — способ увидеть элементарную социологию позднесоветского репрезентационного проекта. Большинство тех, кто писал «географические» стихи, были родом из 1930-х: 1932 года рождения — 13 человек, 1934 года — 11 человек, 1938 и 1939 годов — 7 и 8 человек соответственно. Это были молодые люди (среди всех авторов было лишь 18 женщин), принятые в Союз после реформы. Рост числа членов Союза был стремительным. В 1967 году в Союзе писателей СССР было 2185 поэтов, в 1971 году — 2475, в 1976 году — 2661, а в 1986 году — 3466⁵⁴. Вспоминая командировку 1967 года, мемуарист замечал:

Ил. 5. Год рождения 142 поэтов совокупного корпуса «географических» стихов о Севере.

54 Четвертый съезд писателей СССР. 22—27 мая 1967 года. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1968. С. 289; Пятый съезд писателей СССР. 29 июня — 2 июля 1971 года. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1972. С. 203; Шестой

...аппарат нового Союза утверждался в собственной значимости, то есть стремился к количественному увеличению тех организаций, которые курировал. Ведь одно дело, когда ты куратор шести человек, и совсем другое — когда шестидесяти! <...> Приехавший из Москвы работник Союза писателей РСФСР поэт Ю. Панкратов... гневно упрекал руководителя... в медленном росте. «Уже и в Краснодаре 15 членов Союза, — листал свой блокнот Панкратов, — в Ростове — 12, а у вас все еще семь. Это не дело!»⁵⁵

«Хотя мы уже давно говорим, что у нас нет поэтических провинций, но практически лишь теперь в наших близких и далеких городах выросли поэты, наступающие на пятки столичным», — утверждал в 1970 году секретарь правления СП РСФСР⁵⁶.

Особо интересны тринадцать авторов, имевших в своем активе стихи о нескольких городах Севера. Двое из них — В. Высоцкий (Магадан, 1964; Тюмень, 1972) и Ю. Визбор (Тюмень, 1970; Хибин, 1981) — известные артисты, остальные одиннадцать — члены Союза писателей. Пятеро из одиннадцати окончили Литературный институт, двое — Высшие литературные курсы; семеро были москвичами, остальные представляли Новосибирск (двое), Ленинград, Свердловск и Красноярск (по одному). Провинциалы обычно ездили по подведомственной территории: так, Л. Сорокин (в 1965—1988 годах председатель правления Свердловской организации) был автором стихотворений о Тюменском (Самотлор, 1973; Тюмень, 1978), а красноярец З. Яхнин — о Красноярском Севере (Игарка, 1961; Норильск, 1972); представители Центра, такие как москвичка М. Тарасова (Братск, 1968; Норильск, 1970; Тюмень 1978) или ленинградец В. Кузнецов (Братск, 1957; Воркута, 1958; Тюмень, 1970), — по всей стране.

Несколько слов о скрытом эстетическом идеале этого массива авторов. Как минимум трое из упомянутых одиннадцати — Л. Ошанин, М. Лисянский и В. Семернин — были поэтами-песенниками. Это число намного увеличится, если исследовать сводный список, включающий, например, Е. Долматовского, И. Френкеля и В. Бокова. В идеале «географическое» стихотворение должно было стать популярной песней. Необходимо согласиться с Р. Платонов, проблематизировавшей стандартное противопоставление самодеятельной и официальной культур. Авторская песня выполняла ту же социальную функцию, что и официальные жанры, хотя функционировала иначе, используя метакоммуникативные стратегии, основанные не на коллективных, а на индивидуальных ценностях [Platonov 2012: 96]. Интерес к областям, которые Платонов описывает как специфические лишь для авторской песни — обычному человеку и повседневной жизни, был свойственен и для официальной советской культуры [Tsipursky 2012: 2—3]. Это справедливо и по отношению к репрезентациям страны, в которой жил этот человек. Различия метакоммуникативных стратегий и острота политических позиций, артикулированных в эпоху оттепели, не могут отменить того факта, что мир официальных поэтов и мир неофициаль-

съезд писателей СССР. 21—25 июня 1976 года. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1978. С. 677; Восьмой съезд писателей СССР. 24—28 июня 1986 года. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1986. С. 494.

55 Красухин Г. Стежки — дорожки: литературные нравы недавнего прошлого. М.: Языки славянской культуры, 2005.

56 Третий съезд писателей РСФСР. 24—27 марта 1970 года. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1972. С. 63.

ных бардов были частями одного социального градиента. При всех ограничениях в культурном поле обе эти области — «публикующаяся» (в том числе на пластинках) официальная и «устная» бардовская — имели много общего и влияли друг на друга [Platonov 2005/6: 107].

Песни, готовившиеся по заказу Всесоюзного радио и требовавшие команды профессионалов (в том числе поэтов), например «Морзянка» (1965) М. Пляцковского или «Ну что тебе сказать про Сахалин?» (1965) М. Танича, и песни «самодельные», такие как «Деревянные города» (1959) А. Городницкого или «За туманом» (1964) Ю. Кукина, объединял призыв к освоению советской периферии — уютно-суровые маскулинные грезы об огромной северной стране, в каждой самой дальней точке которой живут и работают люди. Первые песни звучали из радиоприемника, вторые — у лесных костров и на частных квартирах. Уловив дух времени, официальная литература пыталась наладить производство географических репрезентаций, которое свелось не столько к фабрике хитов, сколько к производству производства — командировок и литературных праздников⁵⁷. Немногие «географические» стихи стали популярными. Большинству было не суждено покинуть перформативный контекст, в котором они были созданы, оставшись сочинениями «местного» значения. В постсоветский период, когда поколение 1930-х отправилось на покой, писательские организации городов Севера выпустили ряд сборников «географических» стихов, с одной стороны, подводивших итог эпохи, с другой — отражавших стремление разрешить кризис идентичности при помощи советского литературного наследия⁵⁸.

Библиография / References

[Богданов 2008] — Богданов К. Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 300—337.
(Bogdanov K. Ritorika rituala. Sovetskiy sotsiolekt v etnolingvisticheskom osveshchenii // Antropologicheskiy forum. 2008. № 8. P. 300—337.)

[Галковский 2006] — Уткоречь / Сост. Д. Галковский. 2006 // <http://www.samisdat.com/6/6-antol.htm> (дата обращения: 11.10.2019).

(Utkorech' / Ed. by D. Galkovskiy. 2006 // <http://www.samisdat.com/6/6-antol.htm> (accessed: 11.10.2019).)

-
- 57 Поворот конца 1950-х к «географической» теме происходил не только в поэзии. Так, М. Рожанский писал о «феномене 1959 года» в кино: «...сюжеты десятка художественных фильмов на русском языке, которые заявлялись на 1959 год киностудиями или которые вышли на экраны в названном году, разворачиваются в Сибири. Это превышает общее количество фильмов с сибирским колоритом за предыдущую полувековую историю отечественного кинопроизводства» [Рожанский 2018: 108].
- 58 Я расскажу тебе про Магадан: сборник стихов о Магадане / Сост. В.Б. Тимаков. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1990; Гнездовье вьюг: книга стихов норильских поэтов / Ред.-сост. Ю. Бариев. Норильск: Таймырпрессфото, 1994; Ветер Братска: сборник стихов / Сост. В. Сербский, Е. Сербская. Братск: [б. и.], 1995; Поэтическая Игарка / Сост. М. Сухова, М. Мишечкина, Г. Бауэр. Красноярск: Гротеск, 1999; Высокие широты. Воркута литературная, 1931—2007 гг. / Сост. М. Я. Каганцов. Воркута: Литобъединение, 2007.

- [Гройс 1993] — Гройс Б. Стиль Сталин // Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 11—112. (Groys B. Stil' Stalin // Groys V. Utopiya i obmen. Moscow, 1993. P. 11—112.)
- [Добренко 2007] — Добренко Е. Политэкономика сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. (Dobrenko E. Politekonomiya stalinizma. Moscow, 2007.)
- [Енисейские встречи 1976] — Енисейские встречи: писатели на берегах Енисея / Сост. Г. Ермолина. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1976. (Eniseyskie vstrechi: pisateli na beregakh Eniseya / Comp. by G. Ermolina. Krasnoyarsk, 1976.)
- [Замятина, Пилясов 2018] — Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: URSS, 2018. (Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Rossiyskaya Arktika: k novomu ponimaniyu protsessov osvoeniya. Moscow, 2018.)
- [Калеменева 2019] — Калеменева Е.А. «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950—1960-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ВШЭ, 2019. (Kalemeneva E.A. "Povorot k cheloveku" v proektakh i praktike urbanizatsii Kraynego Severa SSSR v 1950—1960-e gg. PhD thesis. Moscow, 2019.)
- [Колобов 2014] — Колобов Е.Ю. Литературная политика КПСС в период хрущевской «оттепели» и создание Союза писателей РСФСР. 1953—1957 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 156—177. (Kolobov E.Yu. Literaturnaya politika KPSS v period khrushchevskoi "ottepeli" i sozdanie Soyuzu pisatelei RSFSR. 1953—1957 gg. // Vestnik arkhivista. 2014. № 2. P. 156—177.)
- [Кукулин 2012] — Кукулин И.В. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970—2000 годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Ред. И.В. Кукулин и др. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 846—909. (Kukulin I.V. "Vnutrennyaya postkolonizatsiya": formirovanie postkolonial'nogo soznaniya v ruskoj literature 1970—2000 godov // Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii / Ed. by I.V. Kukulin et al. Moscow, 2012. P. 846—909.)
- [Лакофф, Джонсон 2004] — Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. А.Н. Баранова. М.: URSS, 2004. (Lakoff D., Johnson M. Metaphors We Live By. Moscow, 2004. — In Russ.)
- [Майофис 2016] — Майофис М. Двухпартийная организация и двухпартийная литература? Политическое воображение советских писателей и становление позднесоветской культурной парадигмы (конец 1956 — начало 1957 гг.) // Ab Imperio. 2016. № 3. С. 267—309. (Mayofis M. Dvukhpartijnaya organizatsiya i dvukhpartijnaya literatura? Politicheskoe voobrazhenie sovetских pisateley i stanovlenie pozdnesovetskoy kul'turnoy paradigmy (konets 1956 — nachalo 1957 gg.) // Ab Imperio. 2016. № 3. P. 267—309.)
- [Мартин 2011] — Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939 / Пер. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. (Martin T. Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923—1939. Moscow, 2011.)
- [Моретти 2016] — Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер. А. Вдовина, О. Собчука и А. Шели. М.: Издательство института Гайдара, 2016. (Moretti F. Distant Reading. Moscow, 2016. — In Russ.)
- [НЛО 2018] — Новое литературное обозрение. 2018. № 150 (2). (Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2018. № 150 (2).)
- [Поэтическая Игарка 1999] — Поэтическая Игарка / Сост. М. Сухова, М. Мишечкина, Г. Бауэр. Красноярск: Гротеск, 1999. (Poeticheskaya Igaraka. Krasnoyarsk, 1999.)
- [Рожанский 2018] — Рожанский М. Испытание Сибирью: настоящий человек на великих стройках и в фильмах 1959 года // После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953—1985) / Под ред. А. Пинского. СПб.: Европейский университет, 2018. С. 108—144. (Rozhanskij M. Ispytanie Sibir'yu: nastoyashiy chelovek na velikikh stroykakh i v fil'makh 1959 goda // Posle Stalina: Pozdnesovetskaya sub'ektivnost' (1953—1985). Saint Petersburg, 2018. P. 108—144.)
- [Романенко 2000] — Романенко А.П. Советская словесная культура: образ риторика. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. (Romanenko A.P. Sovetskaya slovesnaya kul'tura: obraz ritorika. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2000.)
- [Рыльский 2014] — Рыльский В. Мой друг уехал в Магадан. История знаменитой песни Владимира Высоцкого // Свободная пресса. 18 октября 2014 (<https://svpressa.ru/post/article/101404/> (дата доступа: 21.12.2019)).

- (*Ryl'skiy V. Moy drug uekhal v Magadan. Istoriya znamenitoy pesni Vladimira Vysotskogo // Svobodnaya pressa. 18 oktyabrya 2014* (<https://svpressa.ru/post/article/101404/> (accessed: 21.12.2019)).)
- [Седакова 1997] — *Седакова О. Другая поэзия // Новое литературное обозрение. 1997. № 22* (<http://magazines.russ.ru/nlo/1997/22/sedakova.html> (дата обращения: 12.10.2019)).
- (*Sedakova O. Drugaya poeziya // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 22* (<http://magazines.russ.ru/nlo/1997/22/sedakova.html> (accessed: 12.10.2019)).)
- [Славин 1961] — *Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Издательство экономической литературы, 1961.*
- (*Slavin S.V. Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR. Moscow, 1961.*)
- [Стась 2018] — *Стась И.Н. Статья горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.) Курган: Курганский дом печати, 2018.*
- (*Stas' I.N. Stat' gorozhaninom: urbanizatsiya i naselenie v neftyanom krae (1960-e — nachalo 1990-kh gg.). Kurgan, 2018.*)
- [Юрчак 2014] — *Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.*
- (*Yurchak A. Eto bylo navsegda, пока не konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie. Moscow, 2014.*)
- [Barenberg 2014] — *Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2014.*
- [Florin, Zeller 2018] — *Florin M., Zeller M. Soviet Transnationalism: Urban Milieus, Deterritorialization, and People's Friendship in the Late Soviet Union // Ab Imperio. 2018. Vol. 4. P. 131—146.*
- [Fürst 2013] — *Fürst J. Where Did All the Normal People Go? Another Look at the Soviet 1970s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14 (3). P. 621—640.*
- [Ingold 2018] — *Ingold T. Back to the future with the theory of affordances // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2018. Vol. 8 (1/2). P. 39—44.*
- [Ingold 2000] — *Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge, 2000.*
- [Jockers 2013] — *Jockers M.L. Macroanalysis: Digital Methods and Literary History. Champaign: University of Illinois Press, 2013.*
- [Moretti 2005] — *Moretti F. Graphs, maps, trees: Abstract models for literary history. London, New York: Verso, 2005.*
- [Platonov 2005/6] — *Platonov R. Bad Singing: "Avtorskaia Pesnia" and the Aesthetics of Metacommunication // Ulbandus Review. 2005/6. Vol. 9. P. 87—113.*
- [Platonov 2012] — *Platonov R.S. Singing the Self: Guitar Poetry, Community, and Identity in the Post-Stalin Period. Northwestern University Press, 2012.*
- [Reading "GMT" 2011] — *Reading "Graphs, Maps, Trees": Critical Responses to Franco Moretti / Ed. by J. Goodwin, J. Holbo. Anderson, SC: Parlor Press, 2011.*
- [Reconsidering Stagnation 2016] — *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange / Ed. by D. Fainberg, A.M. Kalinovskiy. Lanham, MD: Lexington Books, 2016.*
- [Ruthland, Smolkin-Rothrock 2014] — *Rutland P., Smolkin-Rothrock V. Introduction: Looking Back at Brezhnev // Russian History. 2014. Vol. 41. № 3. P. 299—306.*
- [Tsipursky 2012] — *Tsipursky G. Review: Rachel S. Platonov, Singing the Self // Cahiers du monde russe. 2012. Vol. 53 (4) (<http://journals.openedition.org/monderusse/7879> (accessed: 13.12.2019)).*